

ИСТОРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Н.С. Розов

СОЦИАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ ПОРОЖДЕНИЯ РОССИЙСКИХ ЦИКЛОВ (ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ЦИКЛИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ)

Социально-политическая история России характеризуется известными циклами, которые чаще всего проявляются в кольцевой динамике из трех тактов: «Стагнация→Кризис→Авторитарный откат». Модель включает в себя два актора: Правитель со стратегиями репрессивного принуждения и охранительства и Элита со стратегиями честной службы и коррупции. От стратегий Элиты зависит уровень ресурсного баланса (между Государством, Элитой и Народом). Принуждение обуславливает честную службу Элиты, которая обеспечивает нормальный уровень баланса. В этих условиях стратегия Правителя переключается на охранительство, а стратегией элиты становится коррупция, которая снижает уровень ресурсного баланса. Тогда начинается социально-экономический и/или геополитический кризис — период нестабильности. Авторитарный откат начинается, когда новая пара Правителя и Элиты возобновляет свои стратегии репрессивного принуждения и честной службы. Другие модели представляют собой различные варианты усложнения этой простой схемы. Проводится сопоставление компонентов механизма циклов с особенностями российского менталитета, которые проявляются в оппозициях «свое/чужое», «высокое служение / низкая выгода», «порядок/свобода» и др.

Ключевые слова: *циклы российской истории, социальный механизм, правители, элита, коррупция, служение, переключение стратегий, русский менталитет, русский национальный характер.*

Key words: *cycles of Russian history, social mechanism, rulers, elite, state service, corruption, switch of strategies, Russian mentality.*

Изучение циклической динамики естественным образом склоняет к выделению последовательности тактов (фаз, однотипных периодов)

каждого цикла. Вместе с тем при ближайшем рассмотрении оказывается, что никаких чистых беспримесных тактов не бывает. В каждом такте присутствуют черты других тактов, иногда довольно сильно выраженные, а многие исторические периоды весьма затруднительно однозначно отнести к тому или ному такту. Эта проблема решается за счет изменения статуса тактов. Им следует придать гносеологический, «конструктивистский» характер. Такты истории России — это не выявленные «натуральные» периоды, подобные детству, юности, зрелости и старости живого организма, но аналитические орудия, сконструированные «идеальные типы», способствующие различению, целостному описанию, пониманию и объяснению сложного и развивающегося органического целого.

Определение траекторий движения российского общества в рамках двухмерной модели «свобода-успех» от правления Екатерины II до наших дней позволило включить в рассмотрение не реализовавшиеся политические проекты (например, конституционные предложения декабристов), а также подтвердило крайнюю «размашистость» динамики от триумфов — к провалам и смутам, от либеральных надежд, проектов, реформ — к антигосударственному и государственному террору, репрессиям и тоталитаризму. При всех этих раскачивания общая картина оказывается не хаотичной, но весьма стереотипной, повторяющейся.

Такт 1. «Успешная мобилизация». Всегда имеет предел и обычно переходит к такту 2 — «Стагнация».

Такт 2. «Стагнация». Иногда относительно стабильная, иногда турбулентная с быстрой деградацией элит и режима, обычно завершается тактом 3 «Кризис».

Такт 3. «Социально-политический кризис» — от крупных мятежей, крестьянских войн и внешних вторжений до распада государственности. Для кризиса характерны бифуркационные развилки, метания между попытками осуществить такты 4 или 5.

Такт 4. «Либерализация». Иногда осуществляемая «сверху», иногда стихийная «снизу», но, как правило, не приводящая к успеху. Либо возвращает к такту 3 «Кризис», либо сразу ведет к такту 5 «Откат».

Такт 5. «Авторитарный откат». Нередко выводит из кризиса и возвращает к стагнации, иногда приводит к успешной мобилизации, но при определенных условиях может вести к углублению кризиса и распаду.

Представим последовательность тактов посредством модели фазовых переходов в параметрическом пространстве *государственный успех / свобода как защищенность и участие* (см рис.1, также см.: Розов 2006).

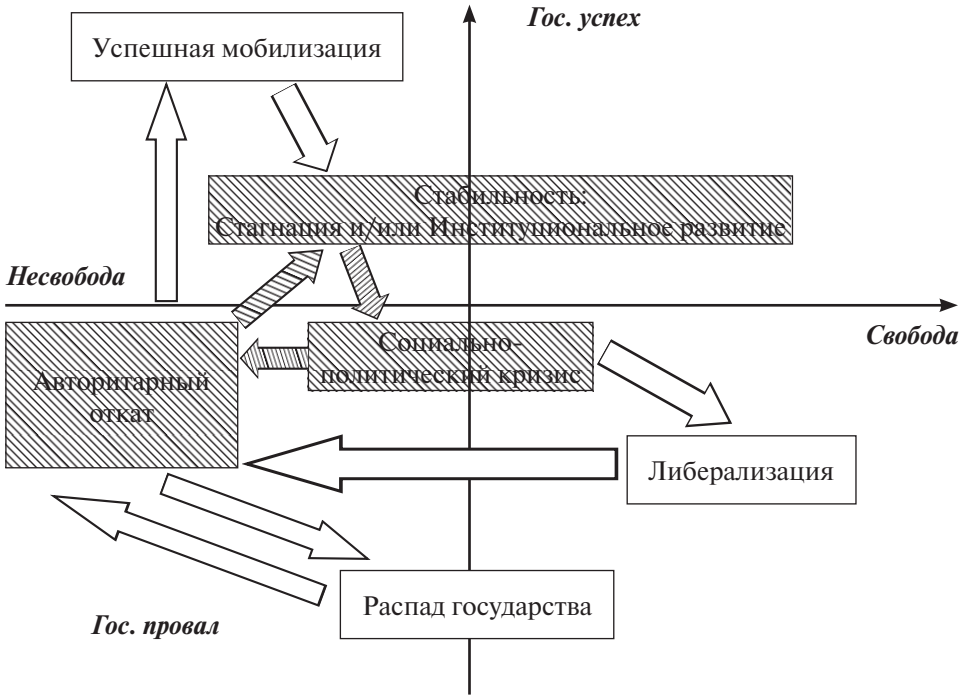

Рис. 1. Основные такты и межтакты переходы в циклической динамике истории России.

Контур заштрихованных блоков и стрелок — кольцевая динамика наиболее частых переходов. Контур между либерализацией, государственным распадом и успешной мобилизацией — маятниковая динамика

Как видно на схеме, модель включает две основные динамики: *кольцевую* (такты и стрелки-переходы заштрихованы) и *маятниковую* (выплески за пределы «кольца» — размашистые движения).

Кольцевая динамика

Кольцевая динамика включает три центральных такта «Стабильность» (чаще всего в форме «Стагнации»), «Кризис» и «Авторитарный откат». Они выделены, поскольку являются наиболее частыми и наиболее часто переходят друг в друга, причем в одной и той же последовательности: стагнация кризис откат стагнация и т. д. «Институциональное развитие» (составление сводов законов, упорядочивающих, расширяющих права и свободы, появление и рост институтов представительства, выборов и т. д.), с одной стороны, неоднократно имело место в России, с другой стороны, обычно совмещались с характеристиками «Стагнации», которые проявлялись чаще и шире.

Общая структура тактов кольцевой динамики также указывает на доминирование «Стагнации», поскольку постоянным (детерминированным?) переходом является соскальзывание к «Кризису». При доминировании «Институционального развития» эффект был бы другим. Поэтому самостоятельным тактом следует считать «Стабильность», включающую два указанных подтакта, причем поскольку характеристики «Стагнации» обычно гораздо сильнее выражены, чаще всего будем говорить именно о «Стагнации».

Из относительно стабильного состояния с высоким или средним *государственным успехом* при низких значениях *свободы* идет движение к «неуспеху», обычно объясняемое разложением элит, ростом коррупции, снижением отзывчивости власти к вызовам; возможно, здесь также играет роль рост демографического давления (фаза сжатия по С.А. Нефедову: Нефедов 2005).

Маятниковая динамика

В данном пункте механизм усложняется бифуркацией. В зависимости от способности лидеров «Отката» увлечь государственный класс и широкие слои населения движение идет по одному из трех направлений:

а) новый цикл мобилизации, ведущий к росту геополитического могущества, внешнему триумфу, внутренней легитимности и периоду относительной социальной стабильности;

б) «замораживание ситуации»;

в) государственный распад.

Случаи типов (а) и (б) неизменно переходят к такту «Стабильность-стагнация», а случаи типа (в), чреватые максимальным насилием, жертвами и институциональным разрушением, переходят к такту «Либерализация» или «Авторитарному откату» в зависимости от идеологической направленности победившей группировки.

Маятниковая динамика является усложнением кольцевой, поскольку некоторые манифестации «Отката» приводят не к «Стагнации», а к такту «Успешная мобилизация», который, правда, неизменно приводит к «Стагнации». Такт «Кризис» в своих самых крайних формах приводит к «Государственному распаду», который по своей значимости также получает статус самостоятельного такта. Исходом «Кризиса» может быть также «Либерализация», как правило, неудачная, возвращающая к «Кризису» или прямо к «Авторитарному откату».

Этот необычный «маятник», таким образом, имеет один полюс «Успешная мобилизация» (высокий государственный успех при низком уровне свободы) и два других полюса:

- «Государственный распад» (резкое ослабление, вплоть до устранения, государства, соответственно, государственного принуждения, что, однако, не повышает уровень свободы, поскольку резко падает защищенность личности и собственности);
- «Либерализация» (рост свободы, дарованный или отвоеванный, обычно связан в России с падением государственного успеха).

Внешнеполитический провал дискредитирует прежнюю правящую группу, усиливает западнические и/или либеральные настроения. Выдвигаются проекты либеральных реформ, которые иногда начинают реализовываться, иногда отвергаются (в зависимости от расклада сил в правящей элите).

«Либерализация» («попробуем, как в Европе») начинается в ситуации вызова, но ведет обычно не к исправлению, а к ухудшению ситуации: росту социальной дифференциации и напряженности, недовольству государственного класса, попыткам сепаратизма. Общее разочарование в реформах, дискредитация либерально-западнического крыла приводит к возврату прежних державнических групп к власти и «Авторитарному откату» («восстановим порядок», «закрутим гайки»).

Детальное сопоставление явлений российской истории в аспекте выделенных измерений (государственный успех и личная свобода) показало, с одной стороны, *отсутствие жесткой повторяющейся последовательности тактов*, существенные различия их отдельных манифестаций по длительности, глубине и другим характеристикам, вариативность межтактовых переходов, с другой стороны, *регулярное появление самих тактов и нескольких паттернов* (кризис→либерализация→откат; кризис→откат→мобилизация→стагнация и др.). Упорное появление в исторической динамике России одних и тех же тактов и паттернов свидетельствует о действии одного и того же *воспроизводящегося глубинного социального механизма*.

Обратим внимание на весьма наглядную особенность нашей феноменологической модели (см. рис. 1). Правый верхний квадрант (сочетание государственного успеха и высокого уровня свободы) остается неизменно пустым, если не считать робкого присутствия «Институционально-гражданского развития», которое в истории России до сих пор всегда уступало доминирующей «Стагнации».

На вершине своего могущества российская государственность никаких поползновений к либерализации не проявляет. Они появляются только при вызовах и кризисах, но никаких успешных и надежных результатов не имеют. Периоды кризисов и неустойчивости в итоге колебаний приводят к авторитарным откатам и новым периодам стагнации, иногда через взлет успешной (во многом принудительной) мобилизации.

Модель «стратегии-следствия-ограничения»

Представим упрощенную модель социального механизма, порождающего российские циклы. Она сфокусирована на ресурсных стратегиях и контроле, которые призваны объяснять кольцевую динамику (Стагнация→Кризис→Авторитарный откат→Стагнация).

Есть два *актора*, каждый со своим небольшим и замкнутым набором *стратегий* (направлений активности). Условно назовем первый актер *Правителем*, второй — *Элитой*. Правитель в каждый период времени осуществляет только одну из двух стратегий: *устрашающее принуждение* (со строгим контролем над поведением Элиты, с санкциями, систематическими опалами, чистками и проч.) и *охранительство* (снижение этого контроля, требование от Элиты только лояльности с целью максимального продления status quo).

Элита в каждый период времени осуществляет либо одну из двух, либо обе стратегии: *служение* и *присвоение (ресурсов)*, причем доли активности каждой стратегии меняются в зависимости от стратегий Правителя: устрашающее принуждение со стороны Правителя обуславливает преимущественно служение Элиты, а охранительство со стороны Правителя — преимущественное присвоение Элитой ресурсов.

Рассмотрим причины, по которым Правитель меняет свои стратегии. Каждая стратегия ведет к своим *следствиям*. Устрашающее принуждение по прошествии определенного периода (одного поколения?) ведет к росту *напряженности* и *пределу недовольства* Элиты (связанного с перенапряжением, истощением, усталостью от страхов, утерей лояльности и проч.). Достижение предела недовольства переключает стратегию Правителя (прежнего или нового, поставленного Элитой, — здесь неважно) с принуждения на охранительство*. Стратегия охранительства со стороны Правителя не прекращает служение со стороны Элиты, но параллельно включает ее стратегию присвоения ресурсов, доля которой растет и со временем (одно-два поколения?) почти полностью замещает последнюю.

Доминирование стратегии Элиты по присвоению ресурсов ведет к *пределу ресурсного дисбаланса*. Содержательно (за рамками формальной схемы) это проявляется в трех главных группах явлений:

* В реальной истории это происходит либо после ухода от дел или смерти верховного Правителя — источника недовольства (таковы случаи Ивана Грозного, Анны Иоанновны, Петра I, Сталина), либо посредством заговоров и переворотов (таковы случаи Анны Леопольдовны с Остерманом, Петра III, Павла I, Николая I, Хрущева).

а) острый дефицит ресурсов (казны, бюджета, рекрутов) у государства, геополитические поражения, неспособность государства содержать силовые структуры для обеспечения внутреннего порядка, неспособность государства эффективно собирать налоги;

б) острый дефицит ресурсов у основной части населения (обнищание, голод, рост напряжения, протестных настроений и проч.);

в) рост численности и аппетитов самой Элиты, дефицит ресурсов для нее, начало и эскалация межэлитных конфликтов.

Достижение предела ресурсного дисбаланса всегда ведет к *социально-политическому кризису*. В рамках данной схемы этот кризис понимается только как прекращение стратегии охранительства со стороны Правителя (такие попытки углубляют кризис, поэтому либо прекращаются самим Правителем, либо ведут к его смене и тоже прекращаются), резкое ослабление вплоть до прекращения стратегии служения со стороны Элиты. Может продолжаться стратегия присвоения, но при распаде Элиты, при ослаблении или прекращении охранительства и служения усиливается ресурсный дисбаланс, углубляется кризис, присвоенное становится трудно или невозможно удержать, поэтому прежняя или новая Элита все больше испытывает тревогу, нуждается в защите и порядке, соглашается служить новому Правителю и терпеть с его стороны устрашающее принуждение, тем более что вначале оно направлено против бунтовщиков и проигрывающих партий Элиты, пытавшихся поставить альтернативного Правителя.

Постулируется, что выход из кризиса происходит только при одном условии: когда некая пара (прежняя или новая) Правителя и Элиты согласованно принимает соответственные стратегии, а именно Правитель начинает устрашающее принуждение, а Элита начинает служение. Так восстанавливается ресурсный баланс (государство и население получают свою долю), и цикл начинается заново до следующего «предела недовольства» Элиты.

Представим схему графически через фазы и переходы (рис. 2).

Динамическая модель кольцевой динамики

Перейдем с объектного языка акторов и стратегий на факторный язык переменных. В таком случае каждая стратегия эксплицируется как рост или снижение значений по одной, двум или более переменным. Сами акторы выпадают из модели, они могут в ней присутствовать либо как источники стратегий, либо как носители переменных качеств.

Что происходит с основными колеблющимися переменными нашей феноменологии циклов?

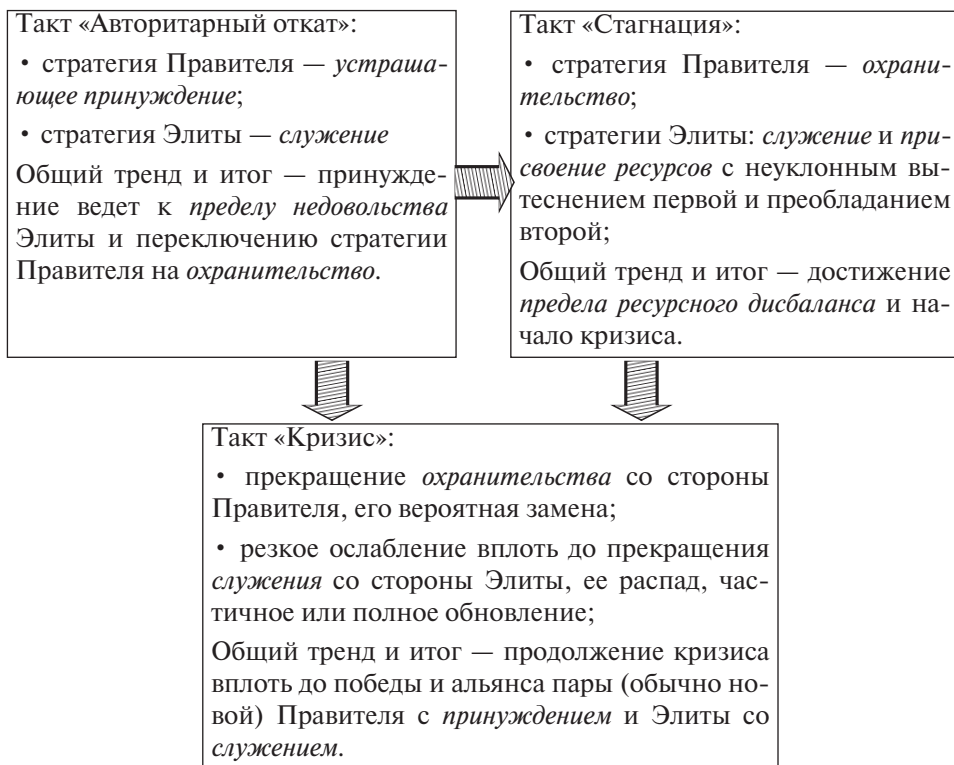

Рис. 2. Модель фазовых переходов для двух акторов с переключением их стратегий

Государственный успех относительно высок, но снижается при «Стагнации», резко падает при «Кризисе», восстанавливается при «Откате».

Уровень свободы минимален при «Откате», умеренно повышается (преимущественно для Элиты) во время «Стагнации», противоречив при «Кризисе» (принуждение резко падает, но защищенность личности и собственности падают также).

От чего зависит государственный успех? Возьмем в качестве исходной крайне упрощенную модель общества из структурно-демографической теории (Goldstone 1991; Нефедов 2005):

- *Государство* (о внутреннем порядке и внешней безопасности которого хорошо или плохо заботятся Правители);
- *Элита* (высшие слои, иногда более ревностно служащие Государству и Правителям, а иногда оппортунистически заботящиеся лишь о своих интересах);

- *Народ* (либо смиренно несущий свое бремя, либо срывающийся к грабёжам и бунтам).

В рамках этой модели предположим, что на успех государства (внутреннюю стабильность и внешнее могущество) влияет *ресурсный баланс* (*B — Balance*), суть которого в достаточной материальной обеспеченности и Государства (для поддержания армии, полиции и других функций), и Элиты (для достойной жизни, соответствующей статусу и готовности служить), и Народа (для удержания его если не в довольстве, то в смирении).

Предположительно, главную угрозу ресурсному балансу составляет оппортунистическая и разрастающаяся Элита, которая в такте «Стагнация» начинает использовать механизмы мобилизации ресурсов (по сути — эксплуатации Народа) не для Государства, а для себя.

Будем считать, что основная активность Правителей по отношению к Элите и Народу — это *принуждение* (*C — Coercion*) — широта распространения и интенсивность практик командования, контроля, санкций, устрашения, обоснованных и необоснованных репрессий. Высокое принуждение по отношению к Элите (до определенных пределов) восстанавливает ресурсный баланс, снижение принуждения ведет к его падению — опустошению государственной казны и обнищанию Народа.

Определим теперь переменные, характеризующие основные формы поведения Элиты.

Честное служение означает высокую *ответственность* (*R — Responsibility*) — добросовестное выполнение Элитой основных обязанностей, приверженность заботам обеспечения нужд Государства и благосостояния Народа, недопущение коррупции и проч. Очевидно, что высокая ответственность обеспечивает и высокий ресурсный баланс.

Вместе с тем для Элиты, особенно при смене поколений, весьма характерно растущее раздражение против принуждения сверху (контроля над доходами, возможности репрессий и проч.), особенно при стабильном благополучии — высоком ресурсном балансе. Эта реакция — усталость от страха и тревог, психическое истощение, интенсивность стремления к спокойствию, безопасности, защищенности личности и собственности — формализуется как *уровень напряженности* (*T — Tension*).

Во время такта «Стагнация» растущая напряженность начинает угнетать принуждение, происходит т. н. эмансипация Элиты. Соответственно, падает ресурсный баланс, Государство терпит поражения на внешней арене, не может поддерживать внутренний порядок, страна скатывается к «Кризису».

Как реагирует на это Элита? Теперь главная характеристика ее поведения — тревожность (A — *Anxiety*), которая проявляется в жажде «восстановления порядка», в резком росте готовности подчиняться и подчинять. Соответственно, вырастает уровень принуждения (C), что означает переход к такту «Авторитарный откат», восстанавливается ресурсный баланс, а затем цикл повторяется.

Рассмотрим основные динамические изменения, происходящие в каждом такте цикла (см. рис. 3).

Зафиксируем основные связи между переменными модели:

- принуждение вместе с ответственностью снижают тревожность;
- при высоком ресурсном балансе принуждение уже представляется излишним, давящим и повышает напряженность;

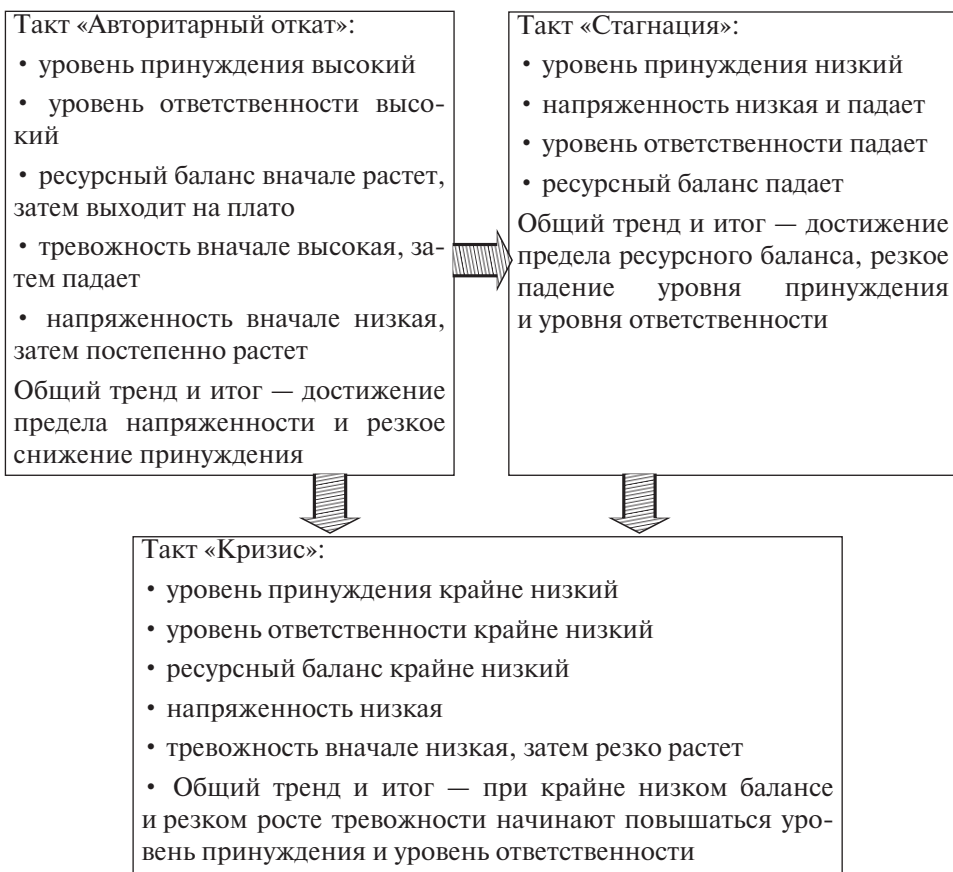

Рис. 3. Состояние переменных и тенденции их изменения в каждом такте кольцевой динамики

- принуждение повышает ответственность до некоторого уровня, потом перестает повышать;
- напряженность при высоком балансе снижает принуждение;
- ответственность повышает ресурсный баланс до некоторого уровня, потом перестает повышать;
- снижение ответственности и падение ресурсного баланса повышает тревожность;
- тревожность повышает принуждение и ответственность.

Дискретная модель переключений

Выделим шесть шагов, считая отдельным шагом начало и окончание каждого из трех тактов кольцевой динамики (Кризис → Откат → Стагнация → Кризис).

Все переменные бинаризируются, т. е. в них учитываются только высокие значения (1) и низкие значения (0), причем в дальнейшем можно добавить и нейтральное значение.

С помощью таблиц строится алгоритм принятия значений каждой переменной в каждом шаге в зависимости от сочетаний значений переменных в промежуточном шаге. В таком представлении цикличность будет означать логически принудительное повторение одних и тех же шагов (сочетаний значений переменных) в одной и той же последовательности. Приведем простейший пример такой экспликации (табл. 1).

Таблица 1.

Схема переключения значений бинарных переменных от шага к шагу*

	Баланс	Принуж- дение	Ответствен- ность	Напряжен- ность	Тревож- ность
Конец «Кризиса»	0	0	0	0	1
Начало «Отката»	0	1	1	0	1
Конец «Отката»	1	1	1	0	0
Начало «Стагнации»	1	1	1	1	0
Конец «Стагнации»	1	0	0	1	0
Начало «Кризиса»	0	0	0	0	0
Конец «Кризиса»	0	0	0	0	1
Начало нового «Отката» и т. д.	0	1	1	0	1

* Шагами являются начала и окончания трех тактов кольцевой динамики. Здесь 1 означает весьма высокое значение переменной, а 0 — крайне низкое

Очевидно, что нули и единицы получаются в таблице не случайно, в зависимости от прежних состояний. Учтем ранее постулированные

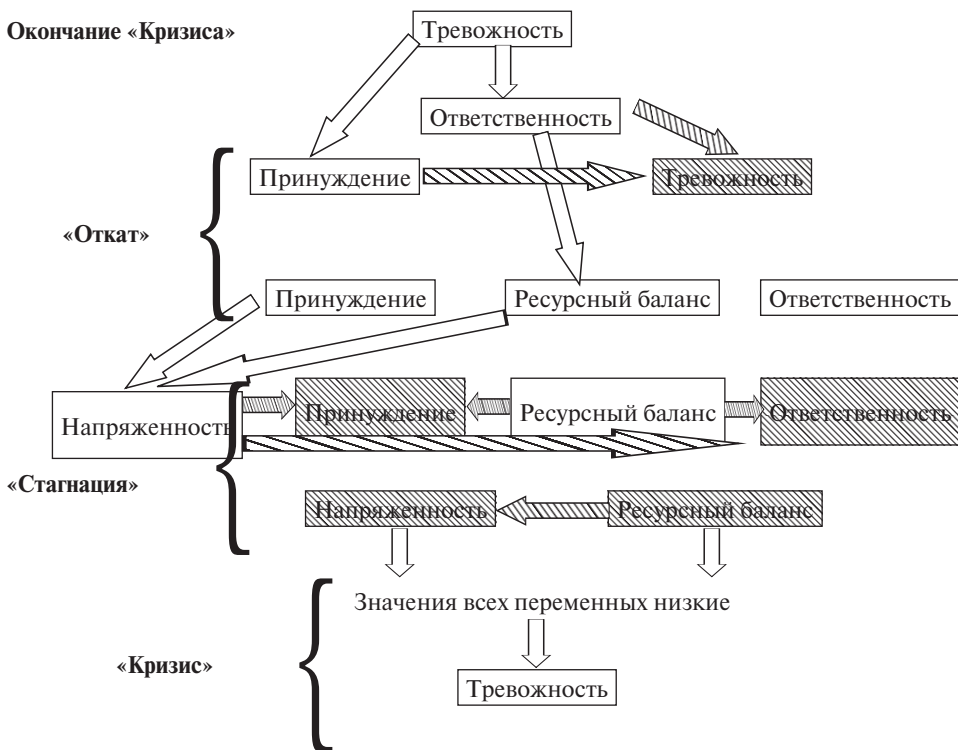

Рис. 4. Схема переключения значений бинарных переменных.

Блоками обозначены только высокие значения бинарных переменных на каждом шаге (единицы в табл. 1). Светлые блоки означают устойчивые значения переменных, сохраняющиеся на следующем шаге. Темные блоки означают те переменные, значения которых упадут на следующем шаге (соответственно, блоки исчезнут). Светлые стрелки означают положительные связи: высокое значение одной переменной на шаге n обуславливает высокое же значение другой переменной на шаге $n+1$. Темные стрелки означают отрицательные связи: высокое значение переменной на шаге n обуславливает низкое значение другой переменной на шаге $n+1$.

взаимосвязи между переменными и представим данные той же таблицы с указанием этих связей (рис. 4).

Определим аксиоматику — набор правил переключения значений переменных, — которая определяет сдвиги этих значений, представленные в табл. 1 и на рис. 4. Для простоты будем считать, что значения каждой переменной (как высокие, так и низкие) сохраняются на следующем шаге, если их не меняют другие переменные.

Для формализации правил применим порядок обозначений Булевой алгебры, примененный Ч. Рэгином для анализа причин социально-исторических явлений (Ragin 1994; Розов 2009). Будем обозначать боль-

шими буквами высокие значения (1 в табл. 1, наличие блока на рис. 4), малыми — низкие (0 в табл. 1, отсутствие блока на рис. 4).

Сочетание букв в одном члене в правой части уравнения (логическое умножение) обозначает конъюнктивное сочетание признаков на прежнем шаге, ведущее к значению переменной, указанному в левой части. Знак + означает дизъюнктивное условие (достаточность либо того, либо другого члена уравнения в правой части).

- Принуждение становится высоким — **C**, если на прежнем шаге было сочетание высокой тревожности **A**, низкого ресурсного баланса **b** и низкой напряженности **t**:

$$C = Abt.$$

- Принуждение становится низким — **c**, напротив, если на прежнем шаге было сочетание низкой тревожности **a**, высокого баланса **B** и высокой напряженности **T**:

$$c = aBT.$$

- Ответственность становится высокой — **R**, если на прежнем шаге либо была высокая тревожность **A**, либо было высокое принуждение **C**:

$$R = A + C.$$

- Ответственность становится низкой — **r**, если на прежнем шаге сочетались высокий баланс **B**, высокая напряженность **T** и низкая тревожность **a**:

$$r = aBT.$$

- Ресурсный баланс становится высоким — **B**, если на прежнем шаге было сочетание высокой ответственности **R** и высокого принуждения **C**:

$$B = RC.$$

- Ресурсный баланс становится низким — **b**, если на прежнем шаге было сочетание низкой ответственности **r** и низкого принуждения **c**:

$$b = rc.$$

- Напряженность становится высокой — **T**, если на прежнем шаге было сочетание высокого принуждения **C**, низкой тревожности **a** и высокого ресурсного баланса **B**:

$$T = CaB$$

- Напряженность становится низкой — **t**, если на прежнем шаге было низкое принуждение **c**:

$$t = c.$$

- Тревожность становится высокой — **A**, если на прежнем шаге было сочетание низкого ресурсного баланса **b** и низкой ответственности **r**:

$$A = br.$$

- Тревожность становится низкой — **a**, если на прежнем шаге было сочетание высокого принуждения **C** и высокой ответственности **R**:

$$a = CR.$$

Теперь проверим, порождает ли требуемые циклы построенная аксиоматика.

Начнем теперь с шага «Начало кризиса», когда значения всех переменных низкие. Все переменные сохраняют низкие значения, кроме тревожности **A**. Последовательно применяя правила, получаем следующий ряд значений по каждому шагу и соответствующий график циклов (рис. 5).

Шаг 0, начало «Кризиса», acr_{tb} , применяем правило $A=br$, повышается тревожность.

Шаг 1, конец «Кризиса», ACr_{tb} , применяем правила $C = Abt$ и $R = A + C$, повышаются принуждение и ответственность.

Шаг 2, начало «Авторитарного отката», ACR_{tb} , применяем правила $a = CR$, $B = RC$, снижается тревожность, повышается ресурсный баланс.

Шаг 3, конец «Отката», aCR_{tV} , применяем правило $T = CaV$, повышается напряженность.

Шаг 4, начало «Стагнации», $aCRT_{V}$, применяем правила $c = aVt$ и $r = aVt$, снижаются принуждение и ответственность.

Шаг 5, конец «Стагнации», acR_{tV} , применяем правила $t = c$, $b = rc$, снижаются напряженность и ресурсный баланс.

Шаг 6, он же шаг 0, начало «Кризиса», acr_{tb} , значения все переменных вновь низкие, далее цикл повторяется.

Теперь сопоставим результат нашего простейшего моделирования с изначальной феноменологией. Для этого возьмем переменную *R* — ресурсный баланс, а вместо принуждения *C* возьмем обратный параметр — уровень свободы от принуждения, рассмотрим соотношение динамики только этих переменных (рис. 6).

Теперь примем во внимание, что ресурсный баланс был определен как достаточность ресурсов не только у Элиты для достойной жизни, но также для Государства для поддержания внутреннего порядка, выполнения социальных функций, поддержания внешней безопасности, и для Народа, чтобы он не голодал и не бунтовал. Таким образом, ресурсный баланс вполне может считаться не только фактором, но и показателем «Государственного успеха» как одного из главных измерений феноменологии циклической динамики.

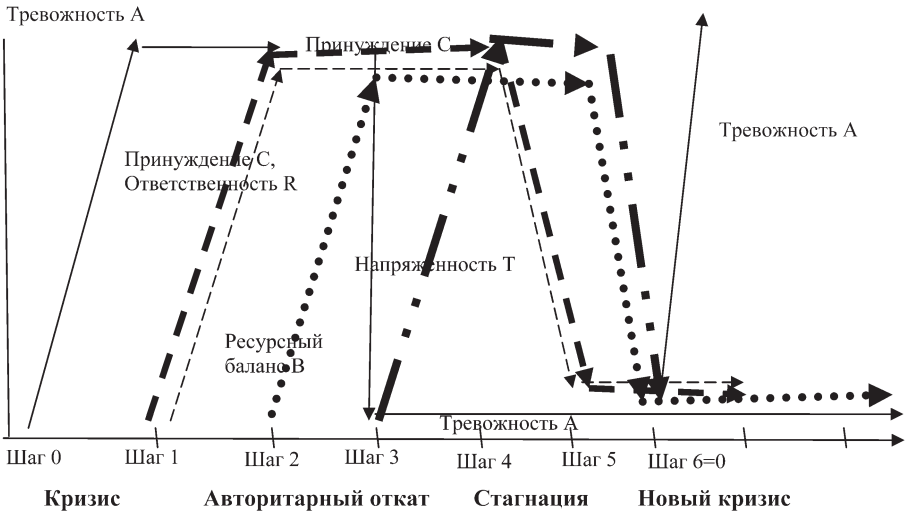

Рис. 5. График изменения значений переменных согласно постулированным правилам

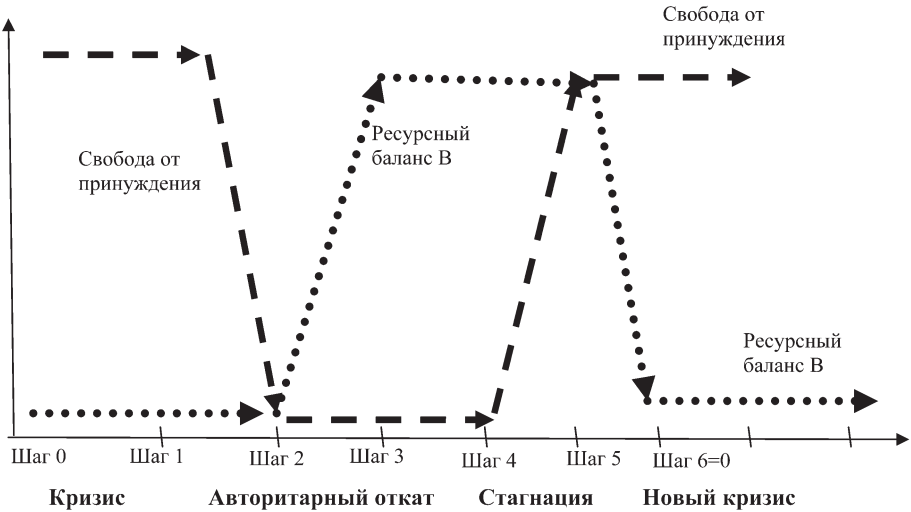

Рис. 6. Полученная средствами дискретного моделирования динамика ресурсного баланса и свободы от принуждения. Очевидна противофаза

Свободу от принуждения можно сопоставить, опять же грубо и со многими оговорками, с другим измерением — интегральным показателем «Свобода как защищенность личности и собственности».

Приведем график феноменологии российских циклов (рис. 7), в котором динамика «Государственного успеха» наложена на динамику «Свободы» (реформ-контрреформ по А. Янову, В. Лапкину и В. Пантину (Лапкин, Пантин 1999).

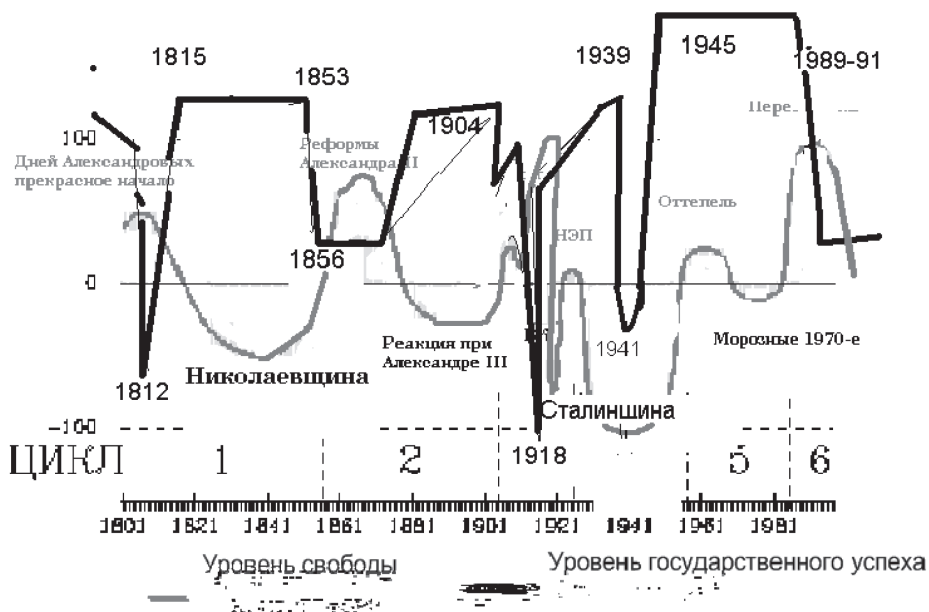

Рис. 7. Динамика уровня свободы и уровня государственного успеха в России за 200 лет. Очевидна противофаза

При всем различии графиков между ними есть важнейшее структурное сходство — противофаза динамики переменных. Иными словами, как в феноменологии российских циклов, так и в результате дискретного моделирования на основе принятых постулатов о взаимосвязи переменных получается наглядное соответствие: ресурсный баланс и государственный успех колеблются в противофазе с уровнем свободы.

Существенна способность дискретной модели порождать на основе формальных правил циклы, структурно схожие с исторической феноменологией. Разумеется, наша дискретная модель — это своего рода логическая игрушка. Но она уже обладает важным качеством. Когда такая простая модель построена и логика ее действия определена, то ее уже можно изменять, усложнять, обогащать в самых разных направлениях. В частности, от бинарных переменных можно перейти к тернарным

(высокое значение — среднее значение — низкое значение) и к более дробным шкалам.

В математическом моделировании исторических процессов (клиодинамике) принято работать с численными рядами, но здесь перманентным затруднением становится дефицит численных данных (кроме достаточно узких сфер демографии и экономики, но и здесь более или менее достоверная статистика есть лишь для последних 200–300 лет). Дискретные же модели, хотя и являются весьма грубыми, но это вполне соответствует имеющей место примерности эмпирических оценок разных параметров того или иного общества в каждом периоде его существования.

Если, тем не менее, рассматривать наши пять переменных не как бинарные (0,1), а как численные шкалы, то на основе фиксированных выше закономерностей можно построить систему их динамических связей — тренд-структуру (рис. 8).

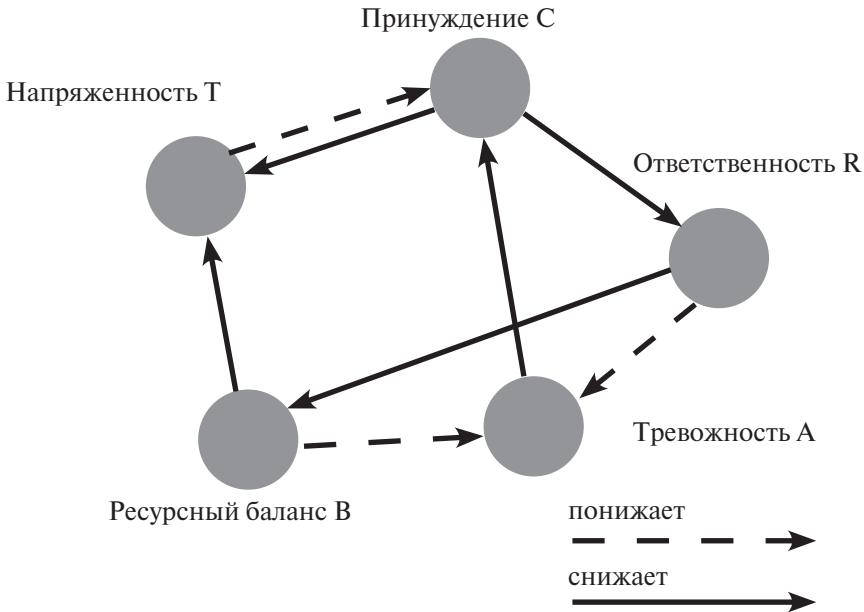

Рис. 8. Тренд-структура связей между основными переменными кольцевой динамики

Уточнение, обогащение формальных моделей, сопоставление их с эмпирическим материалом, проверка соответствующих гипотез — большая самостоятельная работа для отдельного исследования. Пока же будем считать, что каркас порождающего цикла механизма у нас уже имеется. Заметим, что использованные понятия носят преимущественно объективистский характер. Что может дать обращение к особенностям российского менталитета, специфике социальной и ментальной динамики?

Особенности российского менталитета

Черты российского национального характера многократно описаны в литературе (Степун 1928; Бердяев 1990: 78, 80; Лихачев 1990: 3–5; Вышеславцев 1995: 116–117; Пибоди и др. 1993; Мостовая, Скорик 1995; Кессиди 2000; Касьянова 2003; Кукоба 2004; Гудков 2004; Левада 2006; Гудков, Дубин, Зоркая 2008). Нам же будут интересовать более глубокие инвариантные характеристики менталитета, лежащие в основе этих черт. Возьмем четыре базовых архетипа в минималистской форме бинарной оппозиции и зафиксируем следующие характерные для российского менталитета свойства:

- 1) *свое и чужое*: этот фрейм универсален для всех этносов и наций, культур и цивилизаций; российская специфика состоит в высоком уровне отвержения, непризнания чужого, в отказе чужому в праве на достоинство или даже на существование, либо в полном игнорировании и пренебрежении чужим;
- 2) *высшие идеалы и польза (выгода)*: данный фрейм также универсален; для россиян характерны жесткое разделение и противопоставление «высоких», «духовных» идеалов (святынь, ценностей) и «низкой», «шкурной» пользы, слабая способность к их органичному и устойчивому объединению, склонность к полному принятию того или иного полюса и последующим радикальным разочарованиям;
- 3) *ближний круг и государство*: в России первый полюс жестко ассоциирован с теплой, неформальной, демонстративно бескорыстной взаимной поддержкой, тогда как государство, напротив, — с формальным принуждением и всяческими уходами от этого принуждения; однако в определенные периоды для служивого класса, даже для больших масс населения государство может стать «своим» в качестве объединяющего символа, организующей инстанции и священного Отечества (Родины), подлежащего беззаветной защите;
- 4) *Россия и Запад*: в российском менталитете для статуса своей страны характерна неустойчивость, высокая неудовлетворенность, что может выражаться как в полном отрицании национальных достоинств, так и в навязчивом их превознесении, отношение к Западу при этом, несмотря на известные крайности и маятниковые колебания, неизменно остается главным пунктом референции, именно с западными странами обычно ведутся сравнения, именно западные оценки остаются наиболее значимыми, вне зависимости от того, соглашаются с ними или яростно их отвергают.

Подход к объяснению тактовых трендов в кольцевой динамике

Согласно принятому подходу, основные тренды, характеризующие такт, понимаются как кумулятивные (накапливающиеся) эффекты изменившихся стратегий и практик разных акторов, действующих в этом такте.

Почему же эти стратегии и практики изменились? Потому что произошли существенные изменения субъективного плана — в образах ситуации, в интересах и установках разных акторов, а также объективного плана — в доступе к ресурсам, в изменении ограничений для практик и стратегий.

Итак, в каждом открывающем такт событии (группе событий) следует искать существенные изменения в доступе к ресурсам и ограничениях для практик и стратегий разных акторов. Эти изменения обозначим как *тактовый вызов*. Тогда изменившиеся практики и стратегии разных акторов следует считать *тактовыми ответами*. Образующие такт тренды являются результатами преднамеренных и непреднамеренных следствий совместного действия тактовых ответов.

Компоненты ментальности акторов имеют своим главным источником транслируемые в поколениях культурные образцы, но также трансформируются институтами и нишами, в которые акторы попадают. Сами эти институты и ниши подвергаются действию, в том числе непреднамеренным следствиям стратегий и практик акторов. Разумеется, культурные образцы также меняются от поколения к поколению, но этот момент в данной версии онтологической схемы не учитывается.

Предположительная взаимосвязь основных компонентов такта с выделенными ранее компонентами четырех сфер бытия представлена на рис. 9.

Роль ментальных архетипов и разнообразия габитусов в механизме российских циклов

Выше был отмечен высокий уровень отвержения, непризнания *чужого*, склонности отказывать *чужому* в праве на достоинство или даже на существование, либо к полному игнорированию и пренебрежению *чужим*. Эта особенность российского менталитета напрямую связана с колебаниями по оси «консолидация/разобщенность». Консолидация побеждающих и расширяющихся социальных сил максимальна в период посткризисного восстановления, «Авторитарного отката» и «Успешной мобилизации». Именно в этот период государство в наибольшей мере воспринимается как *свое* — оплот порядка, инстанция управления и контроля, источник законной платы за честную службу. Государственники, реформаторы и подвижники оказываются крайне востребован-

Рис. 9. Взаимосвязь структуры такта и компонентов причинности

ными и выдвигаются на первый план. При этом все выходящее за пределы государственного служения становится *чужим*, порицается (жажда наживы, обывательство, предательство, никчемность такой жизни и таких людей).

Государство, как уже говорилось, по прошествии одного-двух поколений перестает быть объединяющим символом. Здесь действует *принцип поклонения символам обеспечивающего сообщества* (Collins 1975). Такими сообществами все более становятся «ближние круги»: для аутсайдеров — семья, друзья и соседи, для инсайдеров — неформальные сообщества и сети взаимных услуг, нередко коррупционных. Все за пределами этих кругов доверия становится *чужим*. Представители разных гнезд габитусов также сильно отчуждаются друг от друга. По мере деградации социальной системы, роста дискомфорта растут протестные настроения, увеличивается число недовольных, особенно радикалов, в которых превращаются все отвергнутые системой реформаторы.

Вспомним следующую связь между переменными в дискретной модели. *Ответственность становится низкой, если на прежнем шаге сочетались высокий баланс, высокая напряженность и низкая тревожность*. Принуждение естественным образом увеличивает напряженность — недовольство принуждением, за исключением институтов и отношений вы-

сокой легитимности власти, а также ее оправданности ролью в преодолении страха и тревоги. Это правило универсально, и никакой российской специфики тут нет. Важная особенность проявляется в пункте снижения ответственности при спаде уровня принуждения и контроля (по принципу «Кот из дома — мыши в пляс»). Иными словами, *в России при ослаблении властного принуждения и отсутствии тревожности (когда жизнь более или менее налажена) стимулы поддержания ответственности — честной службы, справедливости, заботы об общественном благе и проч. — оказываются весьма слабыми.* Всегда остается некоторое количество честных службистов-государственников, многое держится на подвижниках. Однако основная масса аутсайдеров начинает заботиться только о личных и семейных интересах (что раньше возбранялось или было вовсе невозможно), а основная масса служивого класса постепенно отходит от честной службы и формирует коррупционные сети и практики.

В течение «Стагнации» разобщенность в обществе нарастает, достигая крайних степеней в «Кризисе», особенно сопряженном с массовым насилием — при смуте, бунте, мятеже, революции, гражданской войне. Здесь на первый план выступают разного рода радикалы и охранители. Социально-политическое поле поляризуется. Вспышки насилия неизбежны. В одних условиях они ведут к дальнейшей эскалации насилия, которое становится массовым. В других условиях одна из сторон быстро одерживает верх и навязывает свой режим.

Здесь также прослеживается исключительно важная связь между глубинными особенностями российского менталитета (здесь — неприятием чужого) и постулатами взаимодействия переменных в дискретной модели. *Принуждение становится высоким, если на прежнем шаге было сочетание высокой тревожности, низкого ресурсного баланса и низкой напряженности.* Разобщенность, с одной стороны, препятствует самоорганизации на началах равноправных переговоров и горизонтальных контактов, с другой, оставляет единственный путь консолидации, к которой все больше взывает растущая тревожность. Этот путь — передача полномочий власти авторитарному лидеру («спасителю Отечества») и его команде, что позволяет через институциональные правила беспрекословного подчинения преодолеть разобщенность, осуществлять консолидированные стратегии и налаживать общие практики — тем самым и подкрепляется глубинный культурный архетип — жесткая связка между «порядком» и «сильной властью» (понимаемой как авторитарное принуждение с прямой угрозой насилия).

Свой вклад в циклическую динамику вносит также исключительно жесткое разделение в российском менталитете символов *высших идеалов* (святынь, ценностей) и *пользы* (выгоды, наживы). В тактах «Авторитар-

ного отката» и «Успешной мобилизации» они, казалось бы, объединяются, но здесь балом правят только *высшие идеалы* («спасение России», «служение Отечеству»). Немалые вознаграждения и доходы служивого класса, особенно его высших слоев — государственной элиты, конечно же, относятся уже к пользе, но этот момент обычно замалчивается, загромождается формулой «награда за службу», что в официальном дискурсе жестко отмежевано от низменных соображений выгоды.

Это прикрытие становится откровенно демагогическим в такте «Стагнация», когда главной направленностью поведения элиты и служивого класса становится как раз польза и выгода, достигаемые благодаря доступу к государственным ресурсам. Здесь все та же жесткая разделенность высших идеалов и пользы обуславливает особый цинизм российской коррупции и воровства.

Подведем итог. Колея российских циклов во многом определяется тем, что при разобщенности и кризисе, вследствие особенностей менталитета и институтов, почти все стороны выбирают путь авторитарной принудительной власти как единственный возможный способ консолидации и восстановления порядка. Затем, когда принуждение снижается, все другие факторы поддержания ответственности и общенациональной солидарности оказываются слишком слабыми, что вновь ведет к социальной деградации, росту разобщенности и кризису. Сами эти колебания подкрепляют те же самые особенности менталитетов и институтов, упрочивают глубинные культурные архетипы, вследствие чего циклы повторяются. А историческая колея становится все глубже.

Литература

- Бердяев Н. А.* Русская идея // Вопросы философии. 1990. № 1.
- Вышеславцев Б. П.* Русский национальный характер // Вопросы философии. 1995. № 6.
- Горшков М. и др.* Массовое сознание россиян в период осуществления трансформации: реальность против мифов // Мир России. 1996. № 2.
- Гофман И.* Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004.
- Гудков Л. Д.* Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов. М.: Новое литературное обозрение, 2004.
- Гудков Л. Д., Дубин Б. В., Зоркая Н. А.* Постсоветский человек и гражданское общество. М.: Московская школа политических исследований, 2008.
- Дилигенский Г. Г.* Российский горожанин конца девяностых: генезис постсоветского сознания (социально-психологическое исследование). М.: ИМЭМО, 1998.
- Дубовцев В. А., Розов Н. С.* Природа «русской власти»: от метафор — к концепции // Полис. 2007. № 3. С. 8–23.

Касьянова К. О русском национальном характере. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003.

Кессиди Ф.Х. О парадоксе России // Вопросы философии. 2000. № 6.

Коллинз Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002.

Кордонский С. Г. Сословная структура постсоветской России. М: Институт Фонда «Общественное мнение», 2008.

Кукоба О. А. Доминанты российского национального менталитета // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2004. № 2.

Лапкин В. В., Пантин В. И. Политические ориентации и политические институты в современной России: проблемы коэволюции // Полис. 1999. № 6. С. 70–80.

Левада Ю. Ищем человека: Социологические очерки. 2000–2005. М.: Новое издательство, 2006.

Лихачёв Д. С. О национальном характере русских // Вопросы философии. 1990. № 4.

Лосский Н. О. Характер русского народа. Кн. 1. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1957.

Лукин А.В., Лукин П.В. Мифы о российской политической культуре и российской истории // Полис. 2009. № 1–2.

Ментальность россиян: (Специфика сознания больших групп населения). М., 1997.

Мостовая И. В., Скорик А. П. Архетипы и ориентиры российской ментальности // Полис. 1995. № 4. С. 69–76.

Нефедов С.А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Екатеринбург: Издательство УГГУ, 2005.

Отцы и дети. Поколенческий анализ современной России / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М.: Новое литературное обозрение, 2005.

Пибоди Д., Шмелёв А. Г., Андреева М. К., Граменицкий А. Е. Психосемантический анализ стереотипов русского характера: кросс-культурный аспект // Вопросы психологии. 1993. № 3.

Рабочая группа ИС РАН. Российская идентичность в социологическом измерении. Аналитический доклад // Полис. 2008. № 1–3.

Римский В. Л. Бюрократия, клиентелизм и коррупция в России // Общественные науки и современность. 2004. № 6. С. 68–79.

Розов Н.С. Цикличность российской политической истории как болезнь: возможно ли выздоровление? // Полис. 2006. № 2. С. 74–89.

Розов Н.С. Историческая макросоциология: Методология и методы. Новосибирск: НГУ, 2009.

Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики / Под ред. К.А. Абульхановой, А. В. Брушлинского, М. И. Воловиковой. М.: Издательство «Институт психологии РАН», 1997.

Стенун Ф.А. Мысли о России // Современные записки. 1928. № 28.

Collins R. Conflict Sociology. N.-Y.: Academic Press. 1975.

Goldstone J. Revolution and Rebellion in the Early Modern World. Berkeley: Univ. of California Press, 1991.

Ragin Ch. Constructing Social Research. Pine Forge Press, 1994.